Сэр Гаммер Венз

Прошлым воскресным утром в 6 часов вечера, когда я плыл через горные вершины в моей маленькой лодке, я встретил двух мужчин, ехавших верхом на одной кобыле.

Я спросил их: «Не могли бы Вы сказать мне, мертва ли та маленькая старуха, которую повесили прошлой субботой из-за того, что она утопилась в дожде из перьев?»

Они сказали, что не могут с уверенностью рассказать мне об этом, но если бы я пошел к Сэру Гаммеру Вансу, то он бы мне рассказал.

«Но как я узнаю дом?» — сказал я.

«Ха, раз плюнуть», — сказали они, «ну, это кирпичный дом, построенный полностью из кремня, стоящий один сам по себе среди шестидесяти или семидесяти других таких же, как он».

«О, проще простого», — сказал я.

«Ничего не может быть легче», — ответили они, и я пошел своей дорогой. В то время этот Сэр Г. Ванс был гигантом и изготовителем бутылок. И, как и все гиганты, которые изготавливали бутылки и обычно выскакивали из маленькой, размером с большой палец, бутылки из-за двери, Сэр Г. Ванс делал так же.

«Как поживаешь?» — спрашивает он.

«Очень хорошо, благодарю Вас», — отвечаю я.

«Не хочешь со мной позавтракать?»

«С большим удовольствием», — говорю я. Он дал мне кусочек пива и чашечку холодной телятины; под столом была маленькая собачка, которая собирала все крошки.

«Повесьте ее», — говорю я.

«Нет, нельзя его повесить», — отвечает он, «потому что он убил зайца вчера. И если ты мне не веришь, я покажу тебе живого зайца в корзинке».

Он отвел меня в его сад и показал мне всякие диковинки. В одном углу была лиса, высиживающая орлиные яйца; в другом — железное яблочное дерево, увешенное грушами и свинцом; в третьем был заяц, которого вчера убила

собака, живой в корзинке; в четвертом было двадцать четыре кнута, молотящих табак, и на моих глазах они замолотили так сильно, что пробили прессованным табаком стену маленькую собачку, проходившую мимо по ту сторону.

Я, услышав вой собаки, перепрыгнул через стену и вывернул ее наизнанку как можно аккуратней, как вдруг она убежала, будто ей осталось жить меньше часа.

Затем он отвел меня в парк, чтобы показать мне своих оленей, и я вспомнил, что у меня есть ордер в кармане, чтобы настрелять оленины на ужин его величеству.

Я поджег свой лук, зафиксировал стрелу и выстрелил между ними.

Я сломал семнадцать ребер на одной стороне и двадцать одно с половиной на другой стороне; но моя стрела прошла навылет, даже не коснувшись их, и самое плохое было то, что я потерял свою стрелу; однако, я снова нашел ее в дупле дерева.

Я потрогал стрелу, она была липкой. Я понюхал ее. Она пахла медом.

«Ого» — сказал я, «да здесь пчелиное гнездо», как оттуда вылетела стая куропаток.

Я выстрелил в них; некоторые говорят, что я убил восемнадцать, но я уверен, что убил тридцать шесть, не считая мертвого лосося, который перелетал через мост, из которого я испек лучший яблочный пирог, который я когда-либо пробовал.